

Культурный плюрализм: шанс или угроза? (Возвращение к проблеме)

«Отбираем» – по-гречески это тот самый глагол, от которого образовано слово «эkleктика».

М.Л.Гаспаров

Даже если иногда верность облекается в формулу неверности и разрыва, все равно следует хранить эту верность различиям, т. е. продолжать дискуссию.

Жак Деррида

В быстро меняющемся современном мире все чаще трансформируются взгляды каждого из нас. При этом в них не столько «плюсы» начинают занимать место «минусов» (или наоборот), сколько то, что прежде казалось незначительным, обретает дополнительный смысл и ценность, а то, к чему мы относились «слишком серьезно», как бы тускнеет. Калейдоскоп изменений делает нас менее эмоциональными и категоричными, в наших откликах на происходящее появляется больше полутонов. В данной статье речь пойдет о некотором переосмыслении плюрализма на фоне современных социокультурных процессов.

Десять лет назад, вчитываясь в аргументы социальной критики трех авторов: И.Берлина, З.Баумана, В.Малахова, – хотелось склонить читателя в пользу возможностей, которые открывает плюралистичность общественной жизни¹. В то время многообразие воспринималось мною как противодействие давлению со стороны социальных Систем и Иерархий, как одно из средств обретения свободы. Сегодня же, отчетливо ощущая избыточность вариативности, циркулирующей в социокультурном пространстве, возникает желание оградить себя и других, спрятаться от информационного многообразия. (Например, одолевает страх отпустить ребенка в пестрый мир, не снабдив его соответствующими «навигационными приборами».) Очевидно, остался позади период, когда общие понятия, писавшиеся, про-

износившиеся, мыслившиеся с заглавной буквы, с воодушевлением заменялись синонимичными вариантами. Плюрализм, заточенный на борьбу с монолитной целостностью или выражавшийся в эстетической игре, ныне трансформировался в фактор, способствующий пресыщению и растерянности. Мы все больше путаемся в сетях Интернета, который выступает одновременно и полем разноцветья, и средством, способствующим плюрализации некогда считавшегося едино-универсальным. Выпускаемое в пространство Интернета индивидуальное оказывается в мощном «социальном лифте»: статус личных взглядов легко повышается до общественно доступных, а потом и до широко разделяемых. Социокультурное пространство неустанно насыщается, оказывая давление (теперь уже информационными перегрузками) на своих участников.

В сложившейся ситуации у кого и где искать советов, помощи?

Поддержка приходит, например, со стороны тех, кто хорошо знает историю культуры, кто осмысливает плюрализм не в пространстве десятилетия, а в более обширной исторической перспективе, обращаясь к процессам медленных скоростей.

Так, по мнению М.Л.Гаспарова, несомненными особенностями культуры завтрашнего дня явятся эклектичность и плюралистичность². Полагая, что плюралистичность как тенденция будет усиливаться, он уточняет: «Эклектичны (многослойны) все без исключения культуры»³. В другом месте замечает: «...когда мы обводим глазами современность, в глазах рябит и пестрит. Если бы мы жили при Эсхиле или Тютчеве, у нас бы в глазах тоже рябило и пестрило...»⁴. И об этом же метафорично: «Монолитность всякой культуры – иллюзия. <...> Наверное, лучше сказать, что мозаичность – дело дистанции: вблизи она режет глаз безобразными контрастами, а издали сливается в ровный колорит, как у пуантилистов. <...> Исторический подход к разнослойности прошлых культур может дать нам тот опыт, который немного облегчит <...> наши мучения»⁵. А вот тезис, выражающий личную оценку обсуждаемой тенденции: «Я верю в прогресс, только не качественный, а количественный»⁶. Многообразие важно для М.Л.Гаспарова не только потому, что как филолог он «любит ВСЯКОЕ слово»⁷, но и потому, что полагает: «На эклектике общей культуры зиждется плюрализм личных предпочтений»⁸.

Если плюралистичность объективно неизбежна для культуры и необходима для индивидуальной свободы, как вести себя личности с тем, чтобы не потеряться в волнах и в шуме многообразия? Ответ М.Л.Гаспарова – «упорядочивать мир действительности»⁹. «Книги, которые я читал, сплошь и рядом противоречили друг другу: было ясно, что Овидий не понял бы Пушкина, а Пушкин Достоевского»¹⁰, – признается ученый. Предлагаемым принципом «структурирования» он советует руководствоваться следующим образом: «...понять связь мыслей и чувств каждого, выделить то, что приемлемо для меня, связать это в своем сознании (в такой-то ситуации мне будет ближе Овидий, а в такой-то – Достоевский)»¹¹. Никто не вправе лишать нас доступа к многообразию мира, но зато никто и не осуществит за нас работу по структурированию этого материала с целью его осмысления.

Итак, мы видим, что М.Л.Гаспаров не считает нужным ставить некоторую «заслонку» плюрализму либо отворачиваться от него. Напротив, предпочитает двигаться в русле последнего и, несмотря на возрастающую скорость потока множественности, полагает возможным и важным обретение некоторой упорядоченной картины мира. По его мнению, связанность не предзадана, а является плодом вновь и вновь возобновляющихся усилий: «связность достигается не сразу»¹².

Показательна оценка М.Л.Гаспаровым собственной работы в русле заявленных положений. «...Попробуем представить, как образ античности в сознании среднего человека складывается из полубытового школьного учебника, мифов Куна, голливудского кино и набора случайных знаменитых имен! Я написал научно-популярную книжку “Занимательная Греция” нарочно для того, чтобы привести эти осколочные представления читателей в какую-то связь. И я очень хотел бы, чтобы кто-нибудь помог мне привести в связь мои собственные представления о других областях мировой культуры – например, написал бы книгу “Занимательный ислам” или “Занимательный Китай”. Или даже о моей собственной европейской культуре написал бы так, чтобы политические и экономические теории нашли в ней осмысленное место рядом с литературой и искусством, а военное дело рядом с модой»¹³.

Исторический взгляд на культуру позволяет М.Л.Гаспарову принимать плюралистичность как свойство культуры и при этом воспринимать цельность как *задачу*, которую люди по тем или

иным причинам ставят перед собой¹⁴. Связанность не предшествует, а вырабатывается по итогам *встреч с разным*. Она является плодом работы на индивидуальном и общественном уровне. Такая логика-«последовательность» страхует нас от битв прежде, чем мы узнаем, что собственно представляет собой то новое-иное, что нам повстречалось.

Сталкиваясь с плюралистичностью мира, пытаюсь сориентироваться в нем, мы получаем поддержку и со стороны тех, кто осмысливает данный процесс в ходе фактической «работы на него». О деятельности, насыщенной разным, каковой является философствование Ж. Деррида, рассказывает книга Н.С.Автономовой «Философский язык Жака Деррида»¹⁵. Через собственный опыт чтения, перевода, интерпретации текстов Ж.Деррида Н.С.Автомова приобщает нас к практикам взаимодействия с разным, «жизни с разным». (Ощущая себя дилетантом в обширном и сложном наследии французского философа, буду руководствоваться тем, как оно представлено российской исследовательницей, которая профессионально и дружески сотрудничала с ним многие годы. При этом коснусь только одной стратегии Ж.Деррида в трактовке Н.С.Автономовой, стратегии, которая, как мне кажется, помогает продвинуться в обозначенной проблеме.)

Книгу «Философский язык Жака Деррида» Н.С.Автомова начинает со слов, услышанных от Ж.Деррида во время одной из последних встреч с ним: «Как я боюсь переводчиков! Они читают текст так внимательно, по нескольку раз, а мне уже давно хотелось бы его переделать...»¹⁶.

В тяге Ж.Деррида к «передельванию» воплотилась его «теоретическая любовь к различию и различиям»¹⁷, интерес к «онтологии различий»¹⁸. Он исходил из культурной плюральности («Моногенеалогия всегда будет мистификацией в истории культуры»¹⁹), из социального многоязычия («больше одного языка»²⁰) и стремился дать разнообразию проявиться, высвобождая Другого (разных Других) из плена социокультурных ограничений, настойчиво работал над тем, чтобы «тексты смогли говорить иначе, говорить другое, а мы бы смогли их услышать...»²¹.

Эксперименты Ж. Деррида, насыщавшие философское поле другим, новым, разным, кому-то представляются исключительно революционным разъятием старых целостностей, кому-то –

созданием дополнительной путаницы, ненужным усложнением. По мнению Н.С.Автономовой, «его собственная работа была для него лучшей, притом гиперболической, формой противостояния хаосу, а вовсе не его апологией»²². Российская исследовательница обращает внимание читателей на присутствие в творчестве французского философа не только стратегии обнаружения и создания разного, но и иной доминанты: «...не забудем о второй приставке сакраментального слова “де-кон-струкция”»: <...> она собирает и организует, заботясь о том, чтобы нечто положительное было возможно»²³. Неоднократно в книге звучит мысль, что Ж.Деррида стремился (особенно во второй период своего творчества, выйдя на социокультурную проблематику) «...все собрать, перевести фигуры одну в другую, сформулировать некоторый целостный образ»²⁴.

По всей видимости, можно говорить о том, что рано или поздно разное формулирует перед личностью проблему интеграции. И, похоже, чем больше плюрального доступно, тем актуальнее звучит вопрос о принципах сборки. Какого же рода целостности предлагает Ж.Деррида? Ответ Н.С.Автономовой подкупает тем, что она не стремится упростить скрывающуюся за вопросом проблему. Более того, показывает, как данная тема касается ее самой. За читателем остается право перенести эти рассуждения на себя.

Так, во введении в книге Н.С.Автомова делает искреннее признание: «В нем, думаю, есть определенная устойчивость, чуждость, как бы сам он ни сопротивлялся такому термину, как метафизическому. В нем есть то, что делает Деррида им самим, то, что позволяет Деррида быть Деррида. Правда, когда я его ищу, он уходит от меня. Он все время хочет себя переделать, и я тоже хочу себя переделать, и в этом вся сложность. Мне кажется, я что-то в нем понимаю, улавливаю его стиль. Или, по крайней мере, знаю, где его искать: на пересечении с экзистенцией»²⁵.

Следуя за Н.С.Автономовой в указанное пространство, мы имеем возможность ощутить и понять, каково, согласно Ж.Деррида, жить среди разного, *заново собираемого разного*. Вот слова французского философа: «Я воюю с самим собой, это верно, Вы даже не знаете, что это за война, насколько она ужаснее всего, что только можно себе представить. Я говорю взаимно противоречивые вещи, между которыми есть реальное напряжение: они меня

создают, побуждают к жизни, но они же меня и убивают. Эта война для меня мучительна, но я знаю, что это – жизнь. Я успокоюсь только вечным покоем»²⁶.

Разное – осознанная объективность, сопровождавшая Ж.Деррида с детства, – он многократно возвращается к своим переживаниям ребенка из еврейской семьи, проживавшей в Алжире, французской колонии, в период борьбы этого государства за независимость. Позднее не менее плюральную и запутанную картину он увидит в современной Европе, повседневная жизнь которой насыщена проблемами мигрантов, социальных меньшинств, отстаивающих свои права. Наконец, многообразие настойчиво заявляет о себе как планетарная характеристика постсовременного мира. На этот объективный контекст и откликается Ж.Деррида, разрабатывая соответствующие стратегии. Их цель – демократизм в отношении разного, многообразия Других. Однако, работая над условиями создания для плюралистичных Других правового пространства самовыражения, Ж.Деррида оказывается в поле большого напряжения, создаваемого разнонаправленностью векторов, привносимых разноликостью социального мира. Это положение на перекрестке противоречий, доходящих до уровня апорий, для Ж.Деррида собственно есть жизнь. Жизнь космополита, воспринимающего проблемы людей в разных уголках планеты как свои личные и пребывающего в поиске наилучшего решения конкретной проблемы в конкретных обстоятельствах, становится формой сборки, единения разного, приемлемой для французского философа. Возникающее при этом «напряжение», по Ж.Деррида, согласуется с жизнью. Самого французского философа оно заряжает энергией, питающей «неистребимую жизненную решимость искать ответ»²⁷, «упрямство мыслительного, душевного усилия»²⁸. «В чем смысл такой работы, насыщенной “апорийным напряжением” – “невыносимыми апориями”²⁹?» – спросим вслед за Н.С.Автономовой и прочитаем в ее ответ.

«Но что же все-таки дает нам деконструкция? Прежде всего она не дает никакого позитивного горизонта предсказуемости – как это умели делать платоновский эйдос или кантовская регулятивная идея. <...> речь идет <...> о напряжении, об апории, которая, по определению не имеет решения, но зато умеет продавливать границы в направлении искомого»³⁰. В работе Ж.Деррида с разным

много от сизифова труда, но, как замечает Н.С.Автономова, «... сизифов труд <...> – удачная характеристика человеческого удела: прочерчивая все новые траектории мыслительного движения, человек, даже и возвращаясь, казалось бы, в ту же самую точку (которая никогда не та же самая), поддерживает в себе человеческое уже одним своим усилием»³¹.

Общественная жизнь всегда была культурно многолика. Наш век глобальных процессов усилил доступность, соприкасаемость и сопричастность отдельной личности разнообразию социального мира. Прежде чем выстраивать самозащиту против объективно идущих процессов, стоит задаться вопросом, не вступаем ли мы тем самым на путь несвободы своей и других. Может быть, правильнее присоединиться к тем, кто остается открытым миру разнообразия и одновременно пытается структурировать опыт своих встреч, взаимодействия с ним. Выбирая путь «ответственных космополитов», у нас есть шанс остаться собой, слышать культурное многоголосие и дополнять его, когда новые проблемы и решения требуют именования их.

Примечания

- ¹ Название нынешней статьи фактически воспроизводит название работы, опубликованной десять лет назад (См.: *Сыродеева А.* Культурный плюрализм: еще одна надежда или угроза? // Коллаж–4. Социально-филол. и философско-антропол. альманах. М., 2003. С. 116–126). Сделано это с целью привлечь внимание к проблеме динамичности современной жизни, в том числе в рамках последнего десятилетия. При этом стоит подчеркнуть, что и в первой статье речь шла о неоднозначности потенциала социокультурной плюралистичности.
- ² *Гаспаров М.Л.* Филология как нравственность. М., 2012. С. 10. Стоит отметить, что в данный сборник вошли статьи и интервью последних лет жизни ученого, адресованные широкой читательской аудитории.
- ³ Там же. С. 234. См. также: С. 10.
- ⁴ Там же. С. 37.
- ⁵ Там же. С. 178–179.
- ⁶ Там же. С. 182.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 12. См. также: «Нельзя построить пирамиду лучше египетской или Парфенон лучше афинского. Но можно предложить человеку на выбор и античную систему ценностей, и египетскую, и еврейскую, и китайскую – чем

- больше, тем лучше, и все с одинаковой подробностью и ясностью. И пусть человек сам выбирает то, что ближе его душевному складу. Сейчас никто не думает, как в средние века, что сын сапожника непременно должен быть сапожником, но все еще думают, что сын православного непременно должен быть православным; и от этого бывает много душевных неудобств» (Там же. С. 182–183).
- 9 Там же. С. 155.
- 10 Там же. С. 165.
- 11 Там же. В сказанном можно усмотреть еще один аспект, считающийся «пагубным» воздействием плюрализма на нашего современника, – релятивизм. Тем более, что М.Л.Гаспарову принадлежат и следующие тезисы: «...на смену иерархическому восприятию литературы пришел исторический, и набор вечных ценностей распался» (Там же. С. 230); «Вечных ценностей нет – есть вереница временных ценностей, из которых каждое время делает свой выбор...» (Там же. С. 127). Не углубляясь в данном случае в тему релятивности и релятивизма (см. об этом: *Сырودهева А.А. Возможности малого. М., 2012. С. 7–21*), хотелось бы обратить внимание на то, что релятивистский принцип выбирается М.Л.Гаспаровым на роль собственно интегративного, скрепляющего, упорядочивающего. (У М.М.Бахтина такую роль выполняла полифония. См. об этом: Там же. С. 56–63.)
- 12 *Гаспаров М.Л.* Указ соч. С. 213.
- 13 Там же. С. 176.
- 14 «А что такое идеал, как не цельность?» – задает М.Л.Гаспаров риторический вопрос (Там же. С. 217). А в другом месте пишет: «Эстетическая ценность – это цельность...» (Там же. С. 227).
- 15 *Автономова Н.С.* Философский язык Жака Деррида. М., 2011.
- 16 Там же. С. 12.
- 17 Там же. С. 26.
- 18 Там же. С. 49.
- 19 *Деррида Ж.* Цит. по: *Автономова Н.С.* Указ. соч. С. 222.
- 20 *Деррида Ж.* Цит. по: *Автономова Н.С.* Указ. соч. С. 94.
- 21 *Автономова Н.С.* Указ. соч. С. 98.
- 22 Там же. С. 437.
- 23 Там же. С. 25.
- 24 Там же. С. 336.
- 25 Там же. С. 12.
- 26 *Деррида Ж.* Цит. по: *Автономова Н.С.* Указ. соч. С. 205–206.
- 27 *Автономова Н.С.* Указ. соч. С. 352.
- 28 Там же. С. 353.
- 29 Там же. С. 274.
- 30 Там же. С. 272.
- 31 *Автономова Н.С.* К вопросу о релятивизме и универсализме применительно к концепции Жака Деррида // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Отв. ред. В.А.Лекторский. М., 2012. С. 157.